

В ЗАЩИТУ СЛУЧАЙНОГО ЗНАНИЯ

А. М. Кардаш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

В статье анализируется эпистемическая случайность и обосновывается возможность случайного знания. Рассматриваются, как минимальные концепции знания, отражающие различные базовые интуиции, работают в ситуациях, где имеется влияние случайности или удачных обстоятельств. На основании этого устанавливается различие между эпистемическим совпадением и случайностью эпистемической каузации. Оба вида эпистемической случайности являются более широкой альтернативой узкому пониманию эпистемической удачи, которое сложилось в современной эпистемологии. В качестве примера рассматривается влияние случайности эпистемической каузации на формирование интеллектуальных добродетелей.

Ключевые слова: эпистемическая случайность, эпистемология добродетелей, эпистемическая удача, эпистемология, знание, случайность, интеллектуальные добродетели.

Для цитирования: Кардаш А. М. В защиту случайного знания // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 3. С. 92–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-92-100. EDN: ZZJVZZ.

© Кардаш А. М., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

INCIDENTAL KNOWLEDGE DEFENDED

A. M. Kardash

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The paper analyses epistemic happenstance and argues for the possibility of incidental knowledge. It considers how minimal concepts of knowledge, reflecting various basic intuitions, operate in situations where there is an influence of chance or fortunate circumstances. Based on this, a distinction is made between epistemic coincidence and epistemic causation randomness. Both types of epistemic happenstance are broader alternatives to the narrow understanding of epistemic luck that has developed in contemporary epistemology. As an example, the influence of the epistemic causation randomness on the formation of intellectual virtues is considered.

Keywords: epistemic happenstance, virtue epistemology, epistemic luck, epistemology, knowledge, randomness, intellectual virtues.

For citation: Kardash A. M. Incidental knowledge defended. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 3. P. 92–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-92-100. EDN: ZZJVZZ.

© Kardash A. M., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

1. Введение

В обычной жизни мы без труда связываем знание и случайность. Если вы среди своих знакомых скажете, что нечто узнали случайно или вам повезло, что вы нечто знаете, то вряд ли кто-то не поймет вас или укажет, что вы как-то не так употребили слово 'знание', поскольку случайное знание — это и не знание вовсе. Одновременно с этим за последние пять десятилетий множество эпистемоло-

гов так или иначе высказывались о том, что знание несовместимо с такими вещами, как удача, случайность или совпадение [1, р. 161; 2, р. 18; 3, р. 347; 4, р. 293–294; 5, р. 59¹; 6, р. 111; 7, р. 303, 313; 8; 9; 10]. Для них знание не может быть продуктом случайных обстоятельств, а любая познавательная ситуация, в которой субъект нечто знает, предполагает, что это происходит с некоторой необходимостью, созданной усилиями познающего. Неудивительно,

что проблема эпистемической удачи даже претендует на статус центральной, будучи одной из наиболее распространённых интерпретаций проблемы Геттиера (хотя это и не единственная возможная трактовка [11]).

Тем не менее 'эпистемическая удача' в современном философском употреблении — это узкий термин, который, как будет показано далее, подразумевает отдельный вид позитивной эпистемической случайности, сводящейся к совпадению. Иначе говоря, все возможное разнообразие влияния случайности на познавательные ситуации не сводится только лишь к той эпистемической удаче, которая упоминается в мысленных экспериментах в стиле Геттиера. Более того, вполне возможно, что не всякая эпистемическая случайность является разрушительной для знания.

Соответственно, основная цель этого текста — исследовать эпистемическую случайность как общий феномен и указать на то, с какой случайностью совместимо знание.

Если говорить об имеющейся дискуссии по проблеме эпистемической удачи, то стоит заметить, что в ней заметно влияние работы Энгеля [5]. Он предложил делить эпистемическую удачу на *веритическую* и *эвиденциальную*, а также считал, что знание несовместимо только с первой, но не со второй. Это привело к определенной нормализации восприятия знания как чего-то, что совместимо с удачей: к примеру, Греко допускает, что знание совместимо с некоторой степенью удачи [12, р. 353], а Соса — что эпистемические явления, являющиеся условиями знания (конкретно условие пригодности [aptness]), совместимы с удачей, а познание в целом совместимо с удачными влияниями среды [13, р. 87, 130]. Хотя и нельзя сказать, что такое представление является распространенным, поскольку работа Энгеля поспособствовала сужению дискуссии до обсуждения именно веритической удачи. Полагаю, что общий фрейм во взглядах исследователей на эпистемическую удачу пусть и претерпел некоторые изменения, но в целом все же остался прежним — основной способ обсуждения эпистемической случайности все еще сводится к обсуждению того, как она подрывает те или иные концепты знания.

Также предварительно отмечу, что случайными считаются те обстоятельства познавательной ситуации, которые являются маловероятными, не зависят от агента или могли бы быть принципиально иными. Если сформулировать иначе, случайным является то, чего нельзя рационально ожидать в качестве элемента той или иной познавательной ситуации². Соответственно, когда такого рода обстоятельства играют на руку агенту, мы говорим об эпистемической удаче, а когда нет — о неудаче³.

2. Минимальное знание

Для прояснения статуса случайного знания мы не можем придерживаться концепций знания, которые на уровне нормативных условий исключают его совместимость с удачей или случайностью. Хотя нам нужно неким образом показать актуальность приведенного анализа, в том числе и для таких концепций. Чтобы это сделать, можно воспользоваться следующим методом: можно анализировать познавательные ситуации в свете трех минималистичных концепций знания, которые соответствуют части условий знания, постулируемых не-минималистичными концепциями. Это позволит

прояснить соотношение выбранных условий знания и эпистемической случайности.

Если что-то и можно назвать философской конвенцией в вопросе о природе знания, то этим будет не что иное, как *принцип фактивности*, в соответствии с которым 'агент знает, что p , только если p ' [15, р. 99–108]. Вне контекста аналитической эпистемологии можно встретить воззрения, которые взаимно определяют знание и истину и для которых только фактивность связывает эти понятия. Собственно, это неудивительно, если сравнить формулировку принципа фактивности относительно знания с формулировкой дефляционной теории истины, согласно которой 'истинно, что p , только если p '. Такой подход, сводящийся по сути своей к утверждению 'знание — это истина', слишком уж минималистичен, чтобы быть полнокровной концепцией знания, однако его рассмотрение будет полезным с точки зрения обозначенного мной выше метода ровно в той мере, в которой разные подходы к знанию предполагают условие фактивности, а так делают, по сути, все мейнстримные теории. Например, это условие включено в ЖТВ [16], эвиденциализм Бонжура [17, р. 4], каузальную теорию знания Голдмана [18], базовое понимание знания в эпистемической логике Хинтикки [19, р. 12], теорию отслеживания истины Нозика [20, р. 178], релей-абиллизм добродетелей Сосы [13], эпистемологию сначала-знания Уильямсона [21, р. 21], респонсибиллизм добродетелей Загзебски [4], противоудачную эпистемологию Притчарда [6] и множество других теорий.

В эпистемологии есть позиция, которая носит гордое имя 'эпистемического минимализма' и предполагает лишь одно условие сверх идеи о том, что знание подразумевает истину. Так, например, Сартвелл берется отстаивать одно из предположений Тезтета из одноименного диалога Платона, а поэтому помимо истины предполагается еще и доксистическое условие, в результате чего знание характеризуется как истинное убеждение или мнение [22].

Как мне видится, между знанием как истинной и знанием как истинным убеждением существует также и своего рода промежуточный вариант. По крайней мере, это тоже некая форма минимализма, хотя и другая. В частности, Уильямсон характеризует знание как наиболее общую фактивную пропозициональную (ментальную) установку⁴ [21]. Для ясности подчеркну, что здесь имеется прямая связь с пониманием знания как истинного убеждения, поскольку истинное убеждение — это нефактивная пропозициональная установка, которая соответствует факту.

F-знание: S знает, что p только тогда, когда p .

A-знание: S знает, что p только тогда, когда p и у S есть фактивная установка по отношению к p .

D-знание: S знает, что p , когда p и S убежден (у него есть мнение, он так считает), что p .

Таким образом, мы получаем три минимальных концепции, которые не несут существенной концептуальной нагрузки, но при этом отражают три возможные базовые интуиции. *F-знание* отражает интуицию, согласно которой знание подразумевает истину. *D-знание* отражает интуицию, согласно которой знание — это то, что субъект приобретает в ходе познания мира посредством доступа к нему через свою психику, в рамках которой формируются убеждения о мире. *A-знание* отражает интуицию, согласно которой знание — это про реальную связь

субъекта с миром, которая необязательно устанавливается самим субъектом.

Разница между *D-знанием* и *A-знанием* заключается в базовой генеалогии пропозициональных установок, — если мнение как нефактивная установка полагается чем-то, что субъект направляет миру, то фактивные установки фиксируют то, что мир направляет субъекту. Фактивная установка никогда не возникает исключительно по желанию субъекта, тогда как относительно нефактивных допустим волюнтаризм. Например, вы можете просто так посчитать (сформировать нефактивную установку), что за дверью находится динозавр, но вы не можете его увидеть (сформировать фактивную установку), если его там нет. Более того, если динозавр действительно находится за дверью, но вы только так считаете и на самом деле не видели его, то у вас также нет фактивной установки, а есть только нефактивная установка по отношению к истинной пропозиции или факту.

Дополнительно такого рода разницу можно прояснить тем, что *A-знание* — это необязательно рефлексивное знание. Пользуясь языком Сосы, это животное знание, фундированное в когнитивных способностях, которые автоматически приводят агента к разумному поведению в среде, в рамках которой эти способности эволюционировали [13, р. 24, 32–34].

D-знание или же знание как истинное мнение — это то, что предполагает долю рефлексии, связанной с тем, что агенту известно о наличии у себя некоего мнения или взгляда на мир. По крайней мере, мнение можно выразить и таким образом передать информацию, тогда как животное знание может быть невыразимым.

Тем или иным образом все три обозначенные концепции являются и могут быть компонентами более широких теорий знания. Следовательно, если некий важный компонент знания может быть совмещен со случайностью так, чтобы это не вызвало мгновенных возражений, это даст основание иначе взглянуть и на совместимость случайности со знанием в целом.

3. Эпистемическое совпадение

Рассмотрим ситуацию (1), в которой, как нам видится, естественно приписать одному из агентов знание по случайности. Допустим, что Питт — это когнитивно состоятельный агент и средневековый крысолов, работающий в замке некоего монарха. Однажды по воле случая нелегкая служба заводит его в отдаленную часть замка, в которой он замечает дворян Девлина и Моргана. Привыкший лишний раз не смущать высоких господ своим ремеслом, Питт решает развернуться и уйти, не обращая на себя никакого внимания. Хотя он и не планировал подслушивать, но Питт все-таки успевает услышать, как Морган говорит: «... именно так мы и свергнем короля». Похоже, что Питт случайно узнаёт о заговоре. Но действительно ли он знает об этом?

Когда мы рассуждаем о том, знает ли Питт о заговоре, то речь идет о выводе, который он мог сделать из услышанного. Иными словами, одно дело — знает ли Питт, что он слышал то, что слышал? Другое дело — знает ли Питт то, что он вывел из того, что услышал? Таким образом, в этой познавательной ситуации у нас есть два возможных случая знания, где одно является невыводным, а другое выводным⁵.

Теперь соотнесем два возможных случая знания Питта с минимальными концепциями знания. Так, с позиции *F-знания*, Питт слышал то, что он слышал только в случае, если он не галлюцинировал или если ему не показалось. Одновременно с этим Питт *F-знает* о заговоре, если заговор действительно есть. Нетрудно заметить, что *F-знание* допускает возможность удачно выведенного следствия из некорректной информации. Согласно этому, так сказать, стандарту, Питт будет знать о заговоре даже в ситуации (2), где, во-первых, он на самом деле ничего не слышал, но из-за зловещего антуража, в котором Питт застал дворян, у него сложилось ложное воспоминание о том, что он слышал, как они обсуждали заговор против короля; а во-вторых, Девлин и Морган на самом деле не являются заговорщиками, но заговор против короля плетется руками интриганов.

Согласно *F-знанию*, в ситуации (2) Питт не *F-знает*, что он слышал, что Морган что-то сказал о свержении короля, но *F-знает*, что существует заговор против короля. Это уже сам по себе интересный результат, поскольку он показывает, что случай Геттиера можно сформировать без какой-либо явной апелляции к концепту обоснования в каком-либо значимом смысле.

С позиции *D-знания* Питт и *D-знает*, что он слышал то, что слышал, и *D-знает*, что готовится заговор. В случае (2) у него только есть мнение о том, что он слышал, но оно не истинное, а поэтому он об этом не *D-знает*, хотя и *D-знает* о заговоре по эпистемическому совпадению. Проще говоря, *D-знание* не очень сильно отличается от *F-знания*, что, вероятно, показывает, что доксистическое условие в концепциях знания призвано скорее объяснить то, как знание устроено с феноменальной точки зрения (предполагается, что оно является разновидностью мнения), или же подчеркнуть то обстоятельство, что познает всегда кто-то конкретный.

Сравнение ситуаций (1) и (2) проясняет, что именно эпистемологам не нравится в случаях эпистемической удачи. В (2) Питт на основании домыслов доходит до выводов, которые истинны, но сами эти домыслы ни в какой мере не раскрывают, почему выводы истинны. Здесь мы видим кристаллизованный случай эпистемической удачи, когда то, что человек думает о мире, просто совпадает с тем, каков мир. Если я скажу, что в этот самый момент на Земле четное количество жителей, а вы скажете, что нечетное, кто-то из нас окажется прав. И кто-то из нас по непротивительному стандарту *F-знания* и *D-знания* будет знать, хотя такое 'знание' и сводится к чистому совпадению. Так что пока мы все еще имеем дело с тем, что обозначается веритической удачей с той лишь разницей, что она не определяется именно как совпадение [5].

Какие существуют доводы не считать знание совместимым с эпистемическим совпадением? Вариантов много — от того, чтобы объяснить это недостатком личных когнитивных усилий до апелляции к тому, что такое угадывание могло бы с легкостью оказаться ложным. Я бы сказал, что основная проблема в том, что на один редкий случай того, где совпадением можно эпистемически продуктивно воспользоваться, придется множество случаев, где оно повредит. Так, на фоне множества более вероятных сценариев, где домыслы Питта тратят его и чужое время, можно представить, что Питт докладывает информацию королю и тот начинает исследовать

вопрос о заговоре, ввиду чего эпистемическое совпадение выступает началом или поводом для исследования. Странно было бы отрицать возможную позитивную эпистемическую роль даже такой удачи, однако было бы неправильно сказать, что это единственный или самый оптимальный способ начать исследование⁶.

Стоит обратить внимание, что оправдание случайно достигнутой истины здесь происходит через указание на то, что кто-то другой может выявить ее неслучайным образом. Ценным оказывается только то, что эпистемический результат запускает своего рода обратный инжиниринг. Это можно сравнить с ситуацией, когда ученик списывает ответ и в процессе списывания разбирается, почему ответ такой. Для кого-то, возможно, увидеть ответ будет единственной возможностью действительно разобраться с тем, почему он такой. Реализация подобной возможности — это потенциальное позитивное следствие эпистемического совпадения. Питта хвалить не за что, но его F-знание становится основой, из-за которой кто-то другой узнает эту пропозицию без F-знания.

В том и дело, что под 'эпистемической удачей' эпистемологи обычно и имеют в виду такое *эпистемическое совпадение*. Но совпадение необязательно должно быть веритическим. Можно представить эвиденциальный вариант, когда субъект узнает некую информацию, считает ее свидетельством в пользу теории X, при этом никаких явных оснований считать, что оно действительно свидетельствует в пользу X нет, но *на самом деле* из-за запутанных обстоятельств основания есть. Это можно проиллюстрировать следующим случаем: допустим, Джонс видит падающую звезду и решает, что это свидетельствует в пользу того, что кто-то ограбит его квартиру; так случается, что недавно рядом с ним поселился Смит, обладающий редкой формой тяжелой kleptomании, триггером которой является наблюдение за падающими звездами. Разумеется, совпадение не сделает суждение Джонса рациональным, но оно делает его именно эвиденциальным — ему просто везет с тем, что за пределами когнитивной доступности мир оказывается устроен таким образом, который делает падающую звезду свидетельством в пользу того, что Джонса могут ограбить.

Как бы то ни было, для нас более интересным является то, что в случае (1) мы называем в естественном языке знание Питта *случайным* не из-за эпистемического совпадения, а скорее ввиду действия случайности другого рода, которая также имеет отношение к познанию, а поэтому все еще должна пониматься как эпистемическая.

4. Случайность эпистемической каузации

Для дальнейшего прояснения введем еще один сценарий (3), где дворян застает не крысолов, а детектив Глен, у которого есть основания как захаживать в отдаленные уголки замка, так и следить за дворянами. Сыщик по воле случая слышит слова Моргана, но с той лишь разницей, что данное обстоятельство вписывается в контекст его исследования и более широкую сеть свидетельств, собранных против Моргана и Девлина. Иначе говоря, у Глена были основания следить за дворянами, как и за местами, где они могут собраться, тогда как крысолов только гнался за крысой, которая убегала от него без какого-либо разумного плана.

От Питта детектива Глена отличает в первую очередь контекст познания или исследования. В практическом смысле и слова крысолова, и выводы детектива могут привести к тому, что король арестует заговорщиков с выгодой для себя. Однако способность детектива обосновать свой вывод уменьшает количество вероятных исходов, в которых король решает не верить кому-либо на слово. В качестве альтернативы можно трактовать разницу между этими агентами в духе *Менона*, считая, что расследование Глена — это и есть канаты, связывающие дедалову статую, частью которой и являются слова Моргана [23].

Но самое главное отличие состоит в том, что нахождение детектива в ситуации, где он слышит о заговоре, является не в той же степени случайным, что и в случае (1). Более того, когда детектив, имея иной корпус доказательств, делает вывод о том, что заговор существует, то он явно F-знает и D-знает об этом не только ввиду совпадения. Так или иначе, трудно игнорировать тот факт, что некоторое стечение обстоятельств все еще присутствует в этой познавательной ситуации (заговорщики могли выбрать другое место для обсуждения, о котором детектив не догадывался заранее), но при этом вряд ли кого-то интуитивно эта случайность будет смущать так же, как в случае, когда некто что-то F-знает или D-знает просто потому, что он угадал.

Чтобы прояснить, почему случайность, сопутствующая детективу и ситуации (3), менее проблематична, чем та, что сопутствует Питту в ситуации (1), давайте рассмотрим их заново, но с позиции A-знания. Так, Питт действительно A-знает, что Морган сказал «...и так мы свергнем короля», поскольку он слышал это. В такой оптике 'увидеть' или 'услышать' — это частное проявление наиболее общей фактивной установки 'знать' [21, р. 34]. Однако знает ли Питт, что готовится заговор? На основании своего базового A-знания, полученного благодаря органам чувств, он домысливает, что эти слова свидетельствуют о том, что готовится заговор. Не исключено, что фраза Моргана — это только часть анекдота, а не выражение истинных намерений. Таким образом, с точки зрения A-знания, Питт A-знает, что слышал то, что слышал, поскольку обладает фактивной установкой по отношению к этой пропозиции (Морган сказал то-то), но не A-знает, что готовится заговор, поскольку по отношению к этой пропозиции он имеет только нефактивную установку, то есть допускающую, что пропозиция неистинна (грубо говоря, Питт лишь догадывается, выстраивает гипотезу). При этом в той же самой оптике Уильямсона, для которого знание тождественно свидетельству ($E = K$), имеющееся A-знание Питта действительно свидетельствует в пользу гипотезы о том, что заговор готовится, придает ей ненулевую вероятность, но не позволяет A-знать о заговоре (даже если он действительно готовится) [21, р. 184–194].

Поскольку A-знание предполагает, что у субъекта должна быть именно фактивная установка, то это, по сути, исключает возможность эпистемического совпадения, поскольку фактивная установка возникает только в случае, когда имеется каузальное воздействие факта на агента. Знание, полученное посредством слухового восприятия — это как раз хороший пример фактивной установки, которая возникает не по воле агента, поскольку в моменте человек не может сделать выбор в пользу того, чтобы не слышать.

Что касается случая (2), то здесь Питт помнит (А-знает), что Морган сказал о заговоре, но он не А-знает, что Морган не говорил этого на самом деле. В этой модификации Питт не А-знает ни о заговоре, ни о том, что слышал фразу Моргана, но А-знает о том, что он помнит, что слышал фразу Моргана. Возможность А-знать, что является содержанием воспоминания, совместима с возможностью не А-знать того, соответствовало ли данное содержание действительности. Разумеется, А-знание непрозрачно для субъекта [21, р. 24–25]. Для кого-то это может быть минусом, но при этом трудно не отметить, что анализ по критерию фактивности/нефактивности установки (со стороны, от третьего лица и в ретроспективе) уже делает знание неуязвимым для эпистемической удачи в том смысле, в котором она интересна большинству эпистемологов. Другое дело, что на личном уровне мы можем заблуждаться о фактивности собственных установок, поскольку интроспекция и рефлексия являются в некотором роде формами мнений о себе, которые отличаются не своей непогрешимостью, а эксклюзивностью информации, относительно которой составляется мнение.

Важный аспект ситуации состоит в том, что нефактивная ментальная установка случайным образом может совпасть с фактами. Догадка Питта может быть истинной, и в этом нет никакой проблемы, поскольку нефактивность означает только совместимость с ошибкой (то, что установка не связана с фактами, составляющими содержание ее пропозиции), а не обязательную ошибочность. Иначе говоря, здесь вновь себя проявляет совпадение, однако если в случае F-знания или D-знания на его основании Питту можно приписать знание, то в случае А-знания мы скажем, что он не знал, но догадка оказалась правильной. Иначе говоря, неважно, что думает Питт (он может сам считать, что знает, что Девлин и Морган — заговорщики, но в таком случае по А-знанию он будет ошибаться, даже если это действительно так, но ошибаться именно в том, какой установкой по отношению к пропозиции он обладает), важно лишь то, что собой представляет познавательная ситуация, рассмотренная объективно. Подобная интуиция, согласно некоторым трактовкам, содержалась в античном различии *episteme* и *doxa*, где первое понималось как состояние ума, принципиально не сводимое ко второму, и при этом первое характеризовалось фактичностью, а второе — нефактивностью [24, р. 6–7].

Так какого же рода случайность, исключая эпистемическое совпадение, присутствует в рассматриваемых ситуациях? Полагаю, что ее можно обозначить как *случайность эпистемической каузации*. Суть в том, что фактивная установка может возникнуть не из-за того, что агент к ней стремится, а из-за обстоятельств, в которых он оказался, из-за самих условий среды. Проявление случайности в эпистемической каузации заключается в том, что Питт или Глен вообще оказались в этом уголке замка, — что субъект в принципе оказался в ситуации, где обладание определенными когнитивными способностями неизбежно приводят к обладанию фактивными пропозициональными установками, то есть к А-знанию.

Несмотря на то, что случайность в эпистемической каузации на первый взгляд не кажется проблематичной (можно сказать, она попросту указывает на факт, что даже одинаковые убеждения приобретаются в условиях разной эпистемической

истории), ее все-таки можно представить и как проблему. Для этого нужно рассмотреть возможную разницу в каузации не убеждений, а черт интеллектуального характера.

Так, в качестве одной из эпистемических добродетелей выделяется желание обмениваться идеями [25]. Представим, что Боб, Роб и Том — это интеллектуально сравнимые агенты, которые находятся в разных обстоятельствах. Боб сталкивается с регулярным поощрением, когда обменивается идеями с другими людьми. Роб претерпевает из-за этого одни только лишения — его идеи то украдут, то высмеют, то подвергнут критике, то проигнорируют и т.д. Том же вообще не сталкивается с ситуациями, где он может регулярно с кем-то обмениваться идеями (допустим, потому, что он живет в тоталитарном обществе). Обстоятельства складываются таким образом, что Бобу повезло находиться там, где культивируется желание обмениваться идеями, Робу не повезло столкнуться с серийным опытом, который демотивирует его (хотя это не исключает того, что он может развить обсуждаемую добродетель ума вопреки сигналам среды), Тому же не повезло еще больше, поскольку в его жизни или нет, или мизерно мало ситуаций, в которых он может хоть с кем-то обмениваться идеями.

Разумеется, добродетельность Боба не сводится только к удаче, поскольку ему потребуется отточить свою готовность обмениваться идеями, а также быть верным образом мотивированным, однако именно удача, связанная с эпистемической историей приобретения интеллектуальной добродетели, объясняет, почему ему легко быть добродетельным. Наиболее проблематичным оказывается случай Тома. Если мы, вслед за Коуд, признаем, что Тома принципиально нельзя назвать недобродетельным из-за обстоятельств, в которых он оказался, то тот же самый довод будет актуален и для позитивных случаев (вроде случая Боба); в конце концов, поскольку обстоятельства всегда будут играть какое-то значение, то и сами интеллектуальные добродетели окажутся в своих основаниях продуктом удачного или неудачного случая, что на корню срезает общий для эпистемологии добродетелей пафос о возможности научения выдающимся качествам ума.

Приведенный довод можно дополнительно заострить, введя в качестве условия допущение о том, что в итоге все три агента оказываются теми, кто обладает желанием обмениваться идеями. В случае Тома это можно будет объяснить только природной предрасположенностью, что окажется еще более значимой случайностью, чем обстоятельства, в которых находится познающий субъект. Случай Робба можно объяснить неконформизмом, хотя тут всплывает ницшеанский нюанс — одни люди более склонны бороться с негативными обстоятельствами, чем другие. И тем, и тем не везет, когда они оказываются в подобных ситуациях, но первым везет в том, что они с большей вероятностью могут захотеть им противостоять. Как следствие, интеллектуальная добродетельность сводится к тому, что Нагель называл конститутивной удачей [26]. Я же отмечу, что это также и влияние случайности эпистемической каузации, проявленной в том, в силу каких именно причин формировался тот или иной интеллектуальный характер.

5. Эпистемические удачи и неудачи

Случайность совпадения эпистемического с фактическим отражает совпадение того, что со-

бой представляет мир, с представлением о мире у субъекта, который не имел подлинного когнитивного доступа к факту, оказавшемуся по совпадению истинным, в рамках рассматриваемой познавательной ситуации. Случайность эпистемической каузации означает такой вид удачи или неудачи, когда субъект имеет возможность получить когнитивный доступ к некоему факту, и сама эта возможность реализуется или нет в зависимости от обстоятельств. Если брать шире, то случайность эпистемической каузации — это случайность в причинах, конституирующих эпистемические явления.

Здесь сразу следует установить важное различие между удачей и неудачей в эпистемической каузации. В свете рассмотренных выше ситуаций удача состояла в том, что человек (Питт или Глен), имеющий слух, оказался в нужном месте, в нужной познавательной ситуации. Неудача состояла бы в том, что человек (Питт или Глен), имеющий слух, по воле случая прошел бы мимо заговорщиков и не услышал бы то, что при иных обстоятельствах мог бы услышать. Упущенная возможность — это вполне себе вариант того, что именно может представлять собой неудачный случай эпистемической каузации.

Отсутствие удачи — это случай (3), где детектив намеренно оказывается в нужном месте. Но отсутствие удачи не означает отсутствия неудачи, поскольку может так случиться, что ровно в тот момент, когда Морган выскажет крамольную фразу, громко каркнет ворон, и детектив услышит только это. По сути, речь о случае, схожим с тем, который описывает Нагель, когда рассуждает о киллере, который несет разную моральную ответственность в зависимости от того, окажется ли на траектории его выстрела птица или нет [26]. Подобным образом мы можем что-то знать или не знать исключительно в зависимости от действия факторов, находящихся вне нашего контроля.

Случайность эпистемической каузации пронизывает наши познавательные практики, поскольку они проходят не в идеализированном третьем мире чистых идей, а в реальной среде, особенности которой имеют значение для того, что мы можем, а чего не можем знать. В этом свете когнитивную замкнутость стоит понимать не только в глобальном смысле как вопрос об абсолютных ограничениях для познания, но и в локальном, когда когнитивные возможности ограничиваются в том числе контингентными факторами.

Случайность в эпистемической каузации можно назвать даже своего рода флюидным концептом, поскольку в определенных контекстах мы не воспринимаем такие случайности именно как существенные случайности, достойные звания удачи или неудачи. Банальный пример: вы хотите что-то узнать, воспользовавшись поисковиком; хотя вы и не контролируете то, что будет в поисковой выдаче, вы также скорее всего не считаете, что ваши знания, приобретенные таким образом, поражены тяжелой ношей влияния случая на познание. Аналогичным образом, практически каждому, кто получал образование, в той или иной мере везло или не везло с преподавателями, но практически никто не считает существенным влияние подобной случайности на корпус базовых знаний. Существуют даже аргументы, демонстрирующие легитимность получения определенной информации из ненадежных источников, где субъекту просто не везет с тем, что ему доступны только ненадежные источники

и он об этом не знает [27]. Таким образом, случайность эпистемической каузации, по крайней мере в некоторых безобидных проявлениях, является частью корректного познания⁷.

Здесь даже можно привести аргумент в духе эпистемологии добродетелей, что дело тут не в эпистемических случайностях, а в субъекте, который с ними сталкивается, и в том, как он к ним относится⁸. Тогда в рассмотренном выше случае Боба, Роба и Тома было бы неправильно говорить об одной добродетели, поскольку их обстоятельства предполагают разные опции ответственного и безответственного отношения к познанию. Другое дело, что контекстуализация эпистемических добродетелей вновь ударяет по возможностям регулятивной эпистемологии добродетелей и вносит значимый элемент арбитrarности в то, что вообще признается в качестве интеллектуальных арте. Если важно именно отношение субъекта к обстоятельствам, то недобродетельность, проявленная в одном случае, может оказаться добродетелью в другом. Например, человек, воспитавший в себе предвзятость к любому общему мнению, может оказаться интеллектуально добродетельным в обстоятельствах общества, где общие мнения по преимуществу являются ложными. Собственно, люди, которые актуально придерживаются схожих позиций, порой презентуют их именно как то, что помогает им познавать, а не мешает. Контекстуальность в оценке этой черты характера как добродетели или порока размывает любой возможный комплекс рекомендаций о том, развивать ли в себе такое качество или нет.

Таким образом, можно говорить как минимум о двух видах эпистемической случайности⁹. Первая представляет собой случаи, когда истина достигается путем чистого совпадения эпистемического события и онтологического факта. Например, когда Питт выводит из услышанного, что существует заговор против короля и заговор действительно есть. Мы называем это *эпистемическим совпадением*. Такая случайность естественным образом представляется в виде удачи, что поднимает вопрос о том, возможна ли схожего рода неудача?

Прежде, чем ответить на вопрос о неудачах, дадим определение второму виду эпистемической случайности. Его мы могли бы обозначить как *случайность эпистемической каузации*, поскольку речь в таком случае идет о тех причинно-следственных факторах эпистемической истории приобретения того или иного эпистемического состояния или качества, которые не зависят от агента, но влияют на то, как и что он познает¹⁰. В случае Питта и Глена мы явно имеем ситуацию каузальной случайности, поскольку история приобретения их убеждения о том, что Морган и Девлин — заговорщики, включает тот факт, что они оказались в нужное время и в нужном месте. Такая случайность является эпистемической, поскольку она составляет число условий, благодаря которым состоялся некий акт познания вообще. Иначе говоря, без упоминания этого факта невозможно рассказать полноценную эпистемическую историю об обсуждаемом случае.

Предвосхищая возможную критику, можно указать, что, видимо, такой же каузальной эпистемической случайностью оказывается и то, что агенты оказались людьми без нарушений слуха, а человеческое ухо развилось в результате эволюции так, что позволило в этих частных условиях использовать эту когнитивную способность для получения информации. Мой ответ на подобное возможное

возражение прост: действительно, все это элементы случайности эпистемической каузации (нельзя ожидать, что эволюция с необходимостью происходила так, чтобы в ситуации (1) Питт имел когнитивный доступ к таким-то фактам). Более того, как уже было сказано, она пронизывает все наши познавательные практики, и в этом нет проблемы, поскольку сам смысл познания предполагает разрешение новых когнитивных задач, исследование новых явлений, проявления интеллекта в новых условиях и т.д. Иначе говоря, когнитивные способности нам для того и нужны, чтобы использовать их в рамках разных, каузально случайных эпистемических обстоятельств. Здесь важно отметить, что некоторые виды такой случайности нам просто не очень интересны, — скажем, в рассматриваемом нами случае не столь уж принципиально, произносит ли фразу Девлин или Морган. Хотя теоретически можно представить ситуацию, где это будет иметь значение. Например, когда дикция Девлина будет настолько плохой, что сделает слуховое восприятие Питта недостаточным для ее понимания. Собственно, терминология удач и неудач — это, на мой взгляд, и есть естественный способ идентификации интересных проявлений случайности.

Пример неудачи эпистемической каузации привести нетрудно — это может уже упомянутый случай, где реплику Моргана заглушает внезапный крик ворона или какая-нибудь бытовая ситуация, когда студента, нацеленного на то, чтобы выслушать преподавателя, отвлекают в момент, когда тот произносит важную информацию X, и поэтому студент не знает о ней (ему не повезло, что его не вовремя отвлекли). При этом кажется, что с эпистемическими совпадениями дело обстоит сложнее. Для прояснения взглянем на пример удачного совпадения в ситуации (2), когда Питт выводит из услышанного, что существует заговор против короля и по совпадению заговор действительно есть, но заговорщиками были не Девлин с Морганом. Видимо, неудача возникнет тогда, когда не только не случится совпадения фактов с догадками, но и сам предмет догадок окажется в действительности несуществующим. Неудача, таким образом, будет проявляться в том, что Питт оказался в таких обстоятельствах, в которых его интеллектуальные ресурсы были направлены на производство ложного убеждения. Иначе говоря, речь о случаях, когда мир внезапно оказывается таким, что это обесценивает некоторые интеллектуальные усилия, как, например, в случае исследователей, отстаивавших теорию импетуса или эфира.

Можно сказать, что неудачное эпистемическое совпадение — это потенциальная проблема для любой науки или развитой исследовательской практики. То, чем мы занимаемся в исследованиях, легитимизируется не только за счет того, что мы знаем, но неявным образом и за счет того, что нам неизвестно, хотя и полагается в качестве того, что неким образом можно открыть или сделать когнитивно доступным. Дело здесь в зазоре между концептуально возможным и фактически существующим, а также в нашей способности исследовать первое независимо от второго. Возможный пример — доказательства и опровержения бытия Бога, где в зависимости от того, существует ли он фактически, какую-то из сторон постигает неудача эпистемического совпадения и поскольку речь о рациональном исследовании, то интеллектуальные усилия другой стороны оказываются оправданными.

6. Заключение

Напоследок зададимся более общим вопросом: откуда в принципе ведут свое начало представления о том, что знание несовместимо со случайностью? Как ни странно, но я полагаю, что существенный вклад вносит случайность эпистемической каузации. Наша эпистемология развивалась таким образом, что большое внимание было отведено проблеме Геттиера, которая сама по себе считалась (и считается) значимой и прочитывается, в том числе, как проблема эпистемической удачи, благодаря которой субъект может иметь истинное и обоснованное мнение. Хотя есть и рациональное обоснование. Существует ряд авторов, которые видят ценность знания в том, что оно лишено удачи, является заслугой субъекта, его достижением и т.д. Большинство этих работ исключают только эпистемическое совпадение. Некоторые подходы фактически явно признают не только допустимость случайности в том, ввиду каких причин возникают эпистемические явления, но и даже некоторые формы эпистемического совпадения. Помимо уже упомянутого Сосы и Греко можно сослаться на Уильямсона с его неточным знанием [31], эвиденциальное знание Фоули [32, р. 203–204], представление об удаче как компоненте знания у Голдмана [33, р. 64–65] и эпистемологию добродетелей Притчарда, которая допускает удачу, связанную со средой [34].

Как кажется, эпистемологи противятся не эпистемической случайности как таковой, а только ситуациям, где некое совпадение играет в эпистемической истории большую роль, чем усилия субъекта¹.

Теперь же подведем итоги. Я не стремился защитить совместимость знания с эпистемическими совпадениями. Несмотря на то, что они могут необычным образом способствовать познанию, в целом совпадение, на мой взгляд, не конституирует знания у субъекта, который с ним сталкивается. Одновременно с этим случайность эпистемической каузации выглядит допустимой, хотя и она предполагает возможность удачи и неудачи, однако эти удачи и неудачи связаны как раз не с тем, что субъект не внес никакого личного вклада в познание, а с тем, что некоторые обстоятельства позволяют ему его внести (или влияют на то, реализует ли себя этот вклад). Иначе говоря, этими удачами и неудачами еще нужно воспользоваться. И проблемными здесь являются именно неудачи, которые могут создавать условия, не позволяющие отдельному субъекту реализовать свой познавательный потенциал. Интересная проблема кроется не столько в случаях, когда удача в эпистемической каузации способствует знанию или приобретению интеллектуальных добродетелей, сколько в случаях, когда неудача исключает знание или какое-либо другое эпистемическое состояние.

Примечания

¹ Следует пояснить, что Энгель, на которого я здесь ссылаюсь, как раз отстаивает позицию о том, что есть вид удачи (эвиденциальная), с которой знание совместимо, однако здесь я цитирую именно его фразу «большинство эпистемологов придерживаются точки зрения о том, что эпистемическая удача как таковая [simpliciter] несовместима со знанием» [5, р. 59]. Она показывает, что уже в 1992 году тезис несовместимости знания с удачей выглядел мейнстримным. Ниже я еще сравню свой анализ эпистемической случайности с тем, как Энгель анализирует эпистемическую удачу, но пока лишь отмечу, что именно у него я обнаружил ссылки на двух эпи-

стемологов, которые до начала 2000-х годов считали знание совместимым с удачей.

² Отправной точкой для определения случайности через рациональные ожидания в данном случае стало представление Юна Эльстера о недостижимых и безвыходных состояниях. Недостижимое состояние трактуется как то, которое нельзя вызвать намеренным и рациональным действием, а безвыходное — как состояние, которого нельзя намеренно и рационально избежать [14, с. 149–150]. В рамках отдельной познавательной ситуации эпистемическая случайность может быть (и, как кажется, часто является) безвыходной, а также она практически всегда соответствует недостижимому состоянию (вспоминая известный пример Геттиера, мистер Смит, если и мог намеренно подложить себе в карман 10 центов, то ввиду перформативных ограничений не мог подговорить начальника солгать ему о том, кого примут на работу).

³ В английском языке 'luck' — это общая категория, подразделяющаяся на 'good luck', и 'bad luck'. Однако, в отличие от той же темы моральной удачи, в эпистемологическом контексте это не имеет большого значения, поскольку 'epistemic luck' в его наиболее употребимом смысле веритической удачи — это 'epistemic good luck'.

⁴ Стоит заметить, что сам Уильямсон не считает это определением знания, а только описанием, поскольку знание для него — это базовый, неанализируемый концепт.

⁵ Интересно, что, согласно принципу эпистемической (или дедуктивной) замкнутости, второе знание естественно вытекает из первого, если первое действительно является знанием. Несмотря на то, что этот принцип принимается некоторыми философами как нечто естественное, я считаю, реалистичнее думать, что люди все-таки не всегда выводят возможные следствия из своих убеждений или известной им информации. Принцип эпистемической замкнутости, вероятно, хорошо схватывает отдельную феноменологическую опцию, когда вывод, который можно обнаружить в структуре знания, когда описываешь его постфактум, не совершается отдельно от восприятия как такового. Одновременно с этим не стоит отказывать Питту в праве быть натренированным скептиком, который, следуя тропам Энесидама, не делает однозначных выводов из того, какими вещи ему показались. Иначе говоря, Питт мог услышать то, что услышал, не выведя из этого ничего, либо выведя, что услышанное говорит в пользу существования заговора не более, чем в пользу его несуществования.

⁶ Однако не стоит игнорировать и то, что в случае множества других эпистемических совпадений возможность продуктивного использования вообще не является опцией.

⁷ Хеллер определяет эпистемическую удачу как ситуацию, когда нечто истинно в актуальном мире, но не истинно в хотя бы одном из набора возможных миров, где действует иная контекстуальная детерминация [28]. Это похоже на то, что в этой статье обозначается как случайность эпистемической каузации, но с тем отличием, что я не считаю такую случайность несовместимой со знанием. Случайность эпистемической каузации фактически признается совместимой со знанием и у Сосы [13, р. 130].

⁸ Если рассматривать это на примерах ситуации (1) и (3), то Питт очевидно неосмотрительно использует эпистемическую случайность, связанную с тем, что он оказался в нужном месте, чтобы на основании этого вывести, что против короля планируется заговор. Будь он более эпистемически ответственным, то он воспользовался бы этой случайностью, чтобы расследовать вопрос и понять, имеет ли эта случайно полученная информация какую-либо практическую ценность. Детектив Глен же, напротив, относится к эпистемической случайности со всей ответственностью, поскольку сам факт расследования делает его готовым к работе с подобными обстоятельствами. Собственно, детектив не только А-знает, но и знает по критериям, которые предлагала Загзебски, поскольку он правильно мотивирован и достигает истины благодаря проявлению своих добродетелей [4].

⁹ Как уже было упомянуто выше, Энгель разделяет эпистемическую удачу на веритическую и эвиденциальную [5, р. 66–72]. Веритическая удача означает случаи, когда убеждение агента истинно просто ввиду удачи. Таким образом, веритическая удача — это частный (и, возможно, самый частый или хотя бы наиболее обсуждаемый) случай эпистемического совпадения. Эвиденциальная удача означает случаи, когда агенту везет с тем, что у него есть свидетельство. Таким образом, эвиденциальная удача — это частное проявление случайности эпистемической каузации. В рамках моей статьи дается более общее и менее привязанное к контексту проблемы Геттиера описание эпистемически значимых случайностей, хотя определенная параллель с тем, о чем писал Энгель, и присутствует, особенно, если учесть, что он приходит к выводу, что со знанием несовместима только веритическая удача. Вместе с этим я стараюсь показать, что есть такие формы случайности эпистемической каузации, которые и не являются эвиденциальной удачей, и не мешают конституированию эпистемических явлений (см. пример с интеллектуальными добродетелями).

¹⁰ Эпистемическая случайность касается не только знания, но и, по-видимому, явлений познания в целом. Ранее я привел случаи, где имеет место эвиденциальное эпистемическое совпадение и случайность эпистемической каузации в приобретении черт интеллектуального характера. Кроме того, есть статья, в которой рассматривается соотношение обоснования и эпистемической удачи, а также делается вывод о распространенности эпистемической удачи [29] (схожий с моим выводом о распространенности случайности эпистемической каузации). Еще одним примером значимой эпистемической случайности может быть проблема *веритической результативности*. Когда в релятивистской оптике мы пытаемся оценить эпистемическую надежность когнитивного процесса, то может так случиться, что его актуальная веритическая результативность (то, к какому количеству истинных убеждений процесс действительно привел субъектов, которые к нему обращались) не будет репрезентировать эпистемическую надежность процесса (то, насколько процесс склонен производить истинные убеждения) [30]. Простейший вариант — это случайность эпистемической каузации, когда ненадежный процесс реализуется в удачных для себя условиях, а поэтому он имеет высокую веритическую результативность, и для нас это оборачивается неудачей, поскольку наши представления о надежности этого процесса будут неизбежно искажены.

¹¹ Схожую позицию можно найти у Баллантайна, который утверждает, что от исследования и обсуждения удачи эпистемологам следует перейти к изучению совпадений и случайностей [35].

Список источников / References

1. Unger P. An Analysis of Factual Knowledge. *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65, no. 6. P. 157–170. DOI: 10.2307/2024203.
2. Dretske F. Conclusive Reasons. *Australasian Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 49, no. 1. P. 1–22. DOI: 10.1080/00048407112341001.
3. Ravitch H. Knowledge and the Principle of Luck. *Philosophical Studies*. 1976. Vol. 30, no. 5. P. 347–349. DOI: 10.1007/BF00357933.
4. Zagzebski L. *Virtues of the Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 384 p.
5. Engel M. Is Epistemic Luck Compatible with Knowledge? *The Southern Journal of Philosophy*. 1992. Vol. 30, no. 2. P. 59–75. DOI: 10.1111/j.2041-6962.1992.tb01715.x.
6. Pritchard D. Virtue Epistemology and Epistemic Luck. *Metaphilosophy*. 2003. Vol. 34, no. 1-2. P. 106–130. DOI: 10.1111/1467-9973.00263.
7. Hiller A., Neta R. Safety and Epistemic Luck. *Synthese*. 2007. Vol. 158, № 3. P. 303–313. DOI: 10.1007/s11229-006-9041-0.

8. Pritchard D. Anti-Luck Virtue Epistemology. *The Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 109, no. 3. P. 247–279. DOI: 10.5840/jphil201210939.
9. Navarro J. Epistemic Luck and Epistemic Risk. *Erkenntnis*. 2023. Vol. 88, no. 3. P. 929–950. DOI: 10.1007/s10670-021-00387-9.
10. Pavese C., Henne P., Beddor B. Epistemic Luck, Knowledge-How, and Intentional Action // *Ergo an Open Access Journal of Philosophy*. 2023. Vol. 10, no. 36. P. 1019–1056. DOI: 10.3998/ergo.4666.
11. Кардаш А. М. Что есть в известной статье Эдмунда Геттиера // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 127–139. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-127-139. EDN: IZMHQF.
- Kardash A. M. Chto est' v izvestnoy stat'ye Edmunda Gettiyera [What Is Mentioned in the Famous Article by Edmund Gettier]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal. Siberian Journal of Philosophy*. 2023. Vol. 21, no. 1. P. 127–139. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-127-139. EDN: IZMHQF. (In Russ.).
12. Greco J. Virtue and Luck, Epistemic and Otherwise. *Metaphilosophy*. 2003. Vol. 34, no. 3. P. 353–366. DOI: 10.1111/1467-9973.00278.
13. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2007. 164 p.
14. Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с. ISBN 978-5-93255-522-4.
- Elster Y. Kislyy vinograd. Issledovaniye provalov ratsional'nosti [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow, 2018. 296 p. ISBN 978-5-93255-522-4. (In Russ.).
15. Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis. *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, no. 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061. DOI: 10.1111/phpe.12061.
16. Gettier E. L. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 1963. Vol. 23, no. 6. P. 121–123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121.
17. Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1985. 272 p.
18. Goldman A. A Causal Theory of Knowing. *Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, no. 12. P. 355–372. DOI: 10.2307/2024268.
19. Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. New York: Cornell University Press, 1962. 179 p.
20. Nozick R. Philosophical Explanations. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1981. 784 p.
21. Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p.
22. Sartwell C. Why Knowledge Is Merely True Belief. *Journal of Philosophy*. 1992. Vol. 89, no. 4. P. 167–180. DOI: 10.2307/2026639.
23. Платон. Менон / пер. с др.-греч. А. Ошерова // Собрание сочинений. В 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
- Plato. Menon [Meno] / trans. from Anc. Greek by A. Osharov. *Sobraniye sochineniy. V 4 t.* [Collected Works. In 4 vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 575–612. (In Russ.).
24. Woleński J. The History of Epistemology. *Handbook of Epistemology* / Eds. I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Woleński. Dordrecht: Kluwer Academic, 2004. P. 3–54.
25. Montmarquet J. Epistemic Virtue and Doxastic Responsibility. Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 1993. 147 p.
26. Нагель Т. Моральная удача / пер. с англ. А. Черняка // Логос. 2008. № 1 (64) С. 174–187. EDN: TJUIZ.
- Nagel T. Moral'naya udacha [Moral Luck] / trans. from Engl. by A. Chernyak. *Logos*. 2008. No. 1 (64). P. 174–187. EDN: TJUIZ. (In Russ.).
27. Sylvan K. On the Autonomy of (Some) Knowledge. *Analysis*. 2023. Vol. 83, no. 4. P. 849–856. DOI: 10.1093/analys/anad083.
28. Heller M. The Proper Role for Contextualism in an Anti-Luck Epistemology. *Nous*. 1999. Vol. 33, no. s13. P. 115–129. DOI: 10.1111/0029-4624.33.s13.5.
29. Broncano-Berrolca F. Is Lucky Belief Justified? // *Inquiry*. 2023. [forthcoming]. DOI: 10.1080/0020174X.2023.2166984.
30. Кардаш А. М. Процессуальный релейабиллизм и веритическая результативность // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024. № 3. С. 35–44. EDN: TYDWBX.
- Kardash A. M. Protsessual'nyy relayabilizm i veriticheskaya rezul'tativnost' [Process Reliabilism and Veritic Effectiveness]. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024. No. 3. P. 35–44. EDN: TYDWBX. (In Russ.).
31. Williamson T. Inexact Knowledge. *Mind*. 1992. Vol. 101, no. 402. P. 217–242. DOI: 10.1093/mind/101.402.217.
32. Foley R. The Theory of Epistemic Rationality. Cambridge (MA): Harvard University Press. 344 p.
33. Goldman A. Strong and Weak Justification. *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. P. 51–69. DOI: 10.2307/2214068.
34. Pritchard D. The Value of Knowledge // *The Harvard Review of Philosophy*, 2009. Vol. 16, no. 1. P. 86–103. DOI: 10.5840/harvardreview20091616.
35. Ballantyne N. Does Luck Have a Place in Epistemology? *Synthese*. 2014. Vol. 191, no. 7. P. 1391–1407. DOI: 10.1007/s11229-013-0334-9.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalexexi@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 25.06.2025.

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Postgraduate of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990
AuthorID (RSCI): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Correspondence address: krdwalexexi@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 07.02.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 25.06.2025.